

С. А. Никонов

МАГУ, Мурманск, Россия. snikonov-77@mail.ru

М. В. Толкачев

Самарский федеральный исследовательский центр РАН, Самара, Россия.

mikh.tolkachev@mail.ru

ПОДДАННЫЕ ДВУХ ГОСУДАРЕЙ: СААМСКИЕ ПОГОСТЫ КОЛЬСКОГО ПОЛУОСТРОВА В УСЛОВИЯХ РУССКО-ДАТСКОГО ПОГРАНИЧНОГО КОНФЛИКТА ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVI – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ XVII в.

В статье рассматривается проблема двоеданничества саамов Кольского полуострова, находившихся в XVI – начале XVII в. в двойной податной юрисдикции Дании и Русского государства. Происхождение двоеданничества связано с неопределенностью границ на Крайнем Севере Европы: Финнмарк и Кольский полуостров каждая страна рассматривала как сферу своего влияния. Авторы статьи приходят к выводу, что двойное обложение податью саамов Кольского полуострова формируется во второй половине XVI в. как следствие эскалации конфликта между двумя государствами. Дания и Россия использовали податную систему как средство в борьбе за спорные территории. В 1590-х гг. Дания вытесняет русских данщиков с территории Финнмарка. В начале XVII в. аналогичные меры принимает и Русское государство, запрещая датским данщикам въезд на территорию Кольского уезда. Тем не менее двойное обложение саамов Кольского полуострова датской и русской данью сохраняется и после введения запрета на въезд в спорные земли. Эта мера носила компромиссный характер, препятствуя развитию возможного военного конфликта с Датским королевством.

Ключевые слова: дань, Финнмарк, Кольский полуостров, саамы, двоеданничество

Крайний Север Европы – Кольский полуостров и Финнмарк (Северная Норвегия) – с эпохи раннего Средневековья являлся контактной зоной, где сталкивались интересы разных государств – Норвегии и Новгородской республики – и народов – норвежцев, русских, саамов, карел. Отсутствие четкой государственной принадлежности этих земель сохранялось до конца XV в., когда в результате включения Новгородской республики в состав Московского государства усилился колонизационный поток на территорию Кольского полуострова, была создана система административного управления и началась христианизация коренных жителей – саамов. Значимые исторические процессы происходят и в странах Северной Европы. Оформившаяся еще в конце XIV в. Кальмарская уния – союз Швеции, Дании и Норвегии – к 1523 г. сохранилась как союз двух последних государств. К 1530-м гг. Норвегия и вовсе утратила независимость, а Дания начала усиливать влияние в водах Европейской Арктики – Норвежском и Баренцевом морях, – претендуя на земли, не имевшие четкого государственного статуса. К ним, безусловно, относились Кольский полуостров и Финнмарк. С 1570-х гг. между Россией и Данией развернулась политическая борьба за эти земли, активная фаза которой продолжалась до второй четверти XVII в.

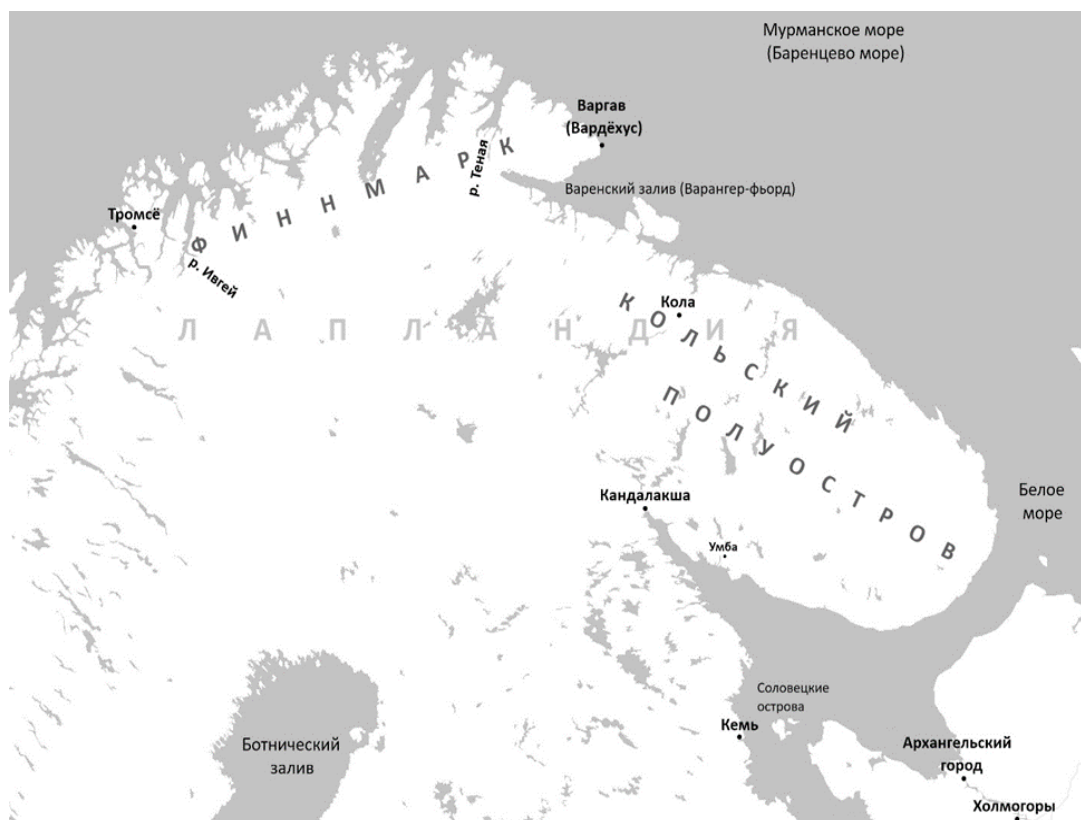
В историографии статус земель Крайнего Севера Европы в период Средневековья является предметом длительной дискуссии, участниками которой выступили не только российские, но и скандинавские ученые. Были сформулированы три подхода¹: И. П. Шаскольский считал, что граница между Новгородом и Норвегией была установлена договором 1326 г. [Шаскольский, с. 54–55]; Дж. Х. Линд, Й. П. Нильсен, П. В. Федоров предположили существование с эпохи Средневековья до начала XVII в. общего даннического округа, охватывавшего Финнмарк и Кольский полуостров [Линд, 1997, с. 142–143; Линд, 2001, с. 245; Нильсен, Ниemi, Кристенсен; Федоров, с. 60]; К. Пейп, Л. И. Хансен, И. Ф. Ушаков высказали

¹ Подробный анализ историографии см.: [Толкачев, с. 8–20, 124–131].

компромиссное мнение о существовании с начала XIV в. норвежско-русской границы, что не отменяло действия общего податного округа в XVI – начале XVII в. [Раре; Hansen; Ушаков, с. 28]. В вышедшей недавно «Энциклопедии Баренц-региона» говорится о прозрачности межгосударственных границ в Финнмарке и на Кольском полуострове в эпоху Средневековья, что позволяло собирать дань одновременно нескольким сторонам [Chernyukova].

Таким образом, вопрос о податных отношениях на Крайнем Севере Европы является существенным в понимании проблемы разграничения территорий между Московским государством и Датским королевством.

Ил. 1. Кольский полуостров и Финнмарк в XVI–XVII вв.

Проблема двоеданничества саамов Крайнего Севера Европы давно привлекала внимание специалистов. Значительная часть исследователей относили появление этой практики к эпохе Средневековья, когда с саамов Кольского полуострова взымали дань новгородцы и норвежцы. После 1523 г. получателем норвежской дани стала Дания. Напротив, по мнению В. Л. Державина, порядок взимания дани на Кольском полуострове двумя государствами – Данией и Россией – возникает только во второй половине XVI в. [Державин, с. 110]. Время окончания двойного налогообложения саамов большинство исследователей относят к началу XVII в., когда датская сторона, а затем и русская запрещают въезд данщиков на свои земли.

Двоеданничество в истории Крайнего Севера Европы не является чем-то исключительным. Аналогичные ситуации возникали и в других окраинных землях, где России приходилось сталкиваться с конкуренцией со стороны соседних этнополитических объединений и государств. Подобная ситуация в конце XVI – XVII в. возникла в Южной Сибири [Боронин; Зуев, с. 60; Трепавлов, с. 163–170, 175–180].

Значительный вклад в изучение проблемы двоеданничества и податного обложения саамов на Севере Европы и в России внес норвежский исследователь Л. И. Хансен. Ученый

считает, что русские даньщики использовали в Финмарке такую же систему обложения саамских угодий, как и на территории Кольского полуострова: до Порсангер-фьорда – систему обложения по лукам², а западнее Порсангера – сбор дани с каждого взрослого мужчины. При этом подать носила градуированный характер: во внутренних районах Финмарка она была выше, чем в западных, соседствовавших с норвежскими землями, на которые русские власти не претендовали [Hansen, p. 42–50]. В отечественной историографии также обращалось внимание на эволюцию даннических отношений, в частности на разные подходы государств к податному обложению, увеличение размеров податей на рубеже XVI–XVII вв. [Державин, с. 110–117; Кучинский, 2010, с. 143–144].

Следует признать, что значительный круг вопросов, связанных с развитием податных отношений на Крайнем Севере Европы, остается неизученным. Так, не выявлены районы, подпадавшие под двойное обложение России и Дании, порядок разграничения податных округов, функционирование податной системы после введения запрета на сбор дани русскими даньщиками в Финмарке и датскими в Кольском уезде. Полагаем, что изучение этих вопросов позволит приблизиться к решению проблемы статуса территорий Крайнего Севера Европы в условиях русско-датского конфликта, выявить способы разграничения спорных земель.

В изучении проблемы первостепенное значение имеют следующие группы источников. Первая – документы кадастра, устанавливавшие податные отношения русского и саамского населения на Кольском полуострове во второй половине XVI – начале XVII в. К ним относятся материалы писцового дела. Самая ранняя писцовая книга 1573–1575 гг., составленная писцом Василием Агалиным, не сохранилась. Известны выписи на отдельные поморские волости и саамские погосты, являющиеся «главами» этого описания³. На писцовую книгу Василия Агалина ссылаются и воспроизводят ее итоговые данные документы начала XVII в., в частности писцовая книга Кольского уезда 1608–1611 гг. письма Алая Михалкова⁴. К документам кадастра относятся и книги сбора даней с саамских погостов, составлявшиеся даньщиками. Эти книги регулярно упоминаются в источниках⁵, но ни одна из них для XVI – начала XVII в. не выявлена⁶. Итоговые результаты этих книг обобщены в ряде сводных документов, в том числе в «Росписи лопарским погостам» 1623–1624 гг.⁷ Нельзя исключать, что роспись, составленная в связи с обострением в начале 1620-х гг. русско-датских отношений⁸, являлась обоснованием прав России не только на Кольский полуостров, но и на земли Северной Норвегии.

² Лук – доля угодий.

³ Известны выписи из писцовой книги Василия Агалина на саамские погосты Норичкий, Сонгельский и Нотозерский (см.: Сборник материалов по истории Кольского полуострова в XVI–XVII вв. (далее – СММКП). Л., 1930. № 5. С. 29–30; РГАДА. Ф. 125 (Монастырские дела – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Малороссийского приказа и Коллегии иностранных дел). Оп. 1. 1695 г. Д. 45. Л. 101–108).

⁴ Публикация источника в конце XIX в. была осуществлена Н. Н. Харузиным (см.: Выписка из писцовой книги Алая Михалкова 116, 117, 119 гг. (далее – Писцовая книга 1608–1611 гг.) // Харузин Н. Н. Русские лопари. (Очерки прошлого и современного быта). М., 1890. Приложение 2. С. 409–462).

⁵ По грамотам великого князя Василия III лопским даньщикам, сбор податей производился согласно «с записью в книгах». Терские лопари жаловались в 1585 г. царю Федору Ивановичу в том, что приезжавшие к ним даньщики брали подать «не по книгам вдвое» (см.: Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле // ВИД. СПб., 1998. Т. 26. Документ № 2. С. 129; Жалованная грамота царя Федора Иоанновича, данная лопарям в 1585 г., об освобождении их от въезда данников // ЧОИДР. 1883. Кн. 2. Смесь. Акты, относящиеся к лопарям и самоедам. С. 7–8).

⁶ Исключение составляет фрагмент книги сбора дани с терских лопарей даньщика Якова Иванова сына Розгилдя. Этот источник был выявлен в ходе реставрации рукописей второй половины XVIII в. фондов винных приставов Кольского уезда Государственного архива Мурманской области. В конце XVIII в. при создании обложек рукописей использовались документы XVII – первой половины XVIII в., не представлявшие на тот момент ценности: листы рукописей склеивались, образуя картон. Фрагмент книги сбора дани с терских лопарей датируется 1662–1665 гг., по датам воеводства в Кольском остроге Я. М. Стрешнева, упомянутого в источнике.

⁷ СММКП. № 27. С. 55–64.

⁸ В 1621–1623 гг. датские военные корабли совершали нападения на побережье Баренцева моря, грабя русские и европейские промысловые суда. Результатом этих нападений стала перестройка укреплений Кольского острога и увеличение численности местного стрелецкого гарнизона (см.: [Никонов, 2017а; Ушаков, с. 98–101]).

Вторая группа источников представлена документами дипломатической переписки Москвы и Копенгагена, составленными от имени русских (Ивана Грозного, Федора Ивановича, Михаила Федоровича) и датских (Фредерика II, Христиана IV) монархов. К этой группе источников, опубликованных в конце XIX в. Ю. Н. Щербачевым⁹, неоднократно обращались в научной литературе, но не в связи с проблемой двоеданничества.

Наконец, третью группу составляют документы воевод Кольского острога конца XVI – начала XVII в. Помимо отдельных грамот, опубликованных Ю. Н. Щербачевым¹⁰, нами были привлечены два комплекса воеводских челобитных, до последнего времени не востребованных в научной литературе. Это челобитные воеводы Федора Хлопова царю Борису Годунову, датируемые декабрём 1600 – июнем 1601 г.¹¹, и челобитные воеводы Гурия Волинцева царю Михаилу Федоровичу за март 1615 – февраль 1616 г.¹²

Представленный комплекс документов позволяет рассмотреть складывание и функционирование системы податных отношений на Крайнем Севере Европы, а также выявить процесс разграничения сфер даннических отношений между Данией и Россией.

Саамы Кольского полуострова составляли восточную часть народа, проживавшего не только в России, но и на территории современных Норвегии, Финляндии и Швеции. Формой социальной организации народа были погосты, представлявшие территориальные общины, занимавшиеся полукочевым хозяйством, основанным на рыболовстве и охоте. По данным документов кадастра начала XVII в., на территории уезда проживало 19 погостов. Существовали в этот период и крупные объединения, включавшие несколько погостов. Кончанская (Верхняя) лопь состояла из саамских погостов западной и северо-западной части Кольского полуострова¹³, Терская лопь – из погостов восточной части¹⁴, Лешая лопь – южной части¹⁵. Происхождение этих объединений является дискуссионным вопросом, но не вызывает сомнений, что они были своего рода податными округами.

На территории Финнмарка русские источники фиксируют 25 лопарских погостов¹⁶.

⁹ РИБ. СПб., 1897. Т. 16.

¹⁰ Там же. № 50. Стб. 207–210; № 51. Стб. 209; № 69. Стб. 291–294; № 97. Стб. 419–421; № 98. Стб. 421–424.

¹¹ РГАДА. Ф. 53 (Сношения России с Данией – (коллекция) из фондов Посольского приказа, Посольской канцелярии, Коллегии иностранных дел 1718–1719 гг.). Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 2–3, 16, 20–33.

¹² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 452–454 об., 471–476 об., 479 об.–481 об., 487–490 об.

¹³ Погосты Масельский, Экостровский, Бабинский, Нотозерский, Сонгельский, Пазрецкий, Нявдемский, Печенгский, Мотовский.

¹⁴ Погосты Вороненский, Норецкий, Понойский, Ловозерский, Кондалский, Юроозерский.

¹⁵ Погосты Пяозерский, Рува, Ворьеозерский.

¹⁶ Перечень погостов приведен в «Росписи лопарским погостам» 1623–1624 гг. и в аналогичных росписях о размере государевой дани с лопарских погостов Финнмарка, отложившихся в составе «Датских дел» Посольского приказа и составленных по распоряжению воеводы Кольского острога Гурия Волинцева в 1614 г. (см.: СМИКП. № 27. С. 59–60; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 463–465 об.; 1614 г. Д. 2. Л. 13–15).

приезжими русскими. Об освоении Северной Норвегии сообщают и датские источники второй четверти XVI в., отмечающие ежегодный промысел русских в водах Финнмарка и проезд в Вардэ великокняжеских сборщиков дани [Hansen, p. 57–58].

Если о посещении русскими даньщиками Северной Норвегии у нас есть сведения в источниках, то о присутствии на Кольском полуострове датских сборщиков податей ранее конца 1550-х гг. таких сообщений нет. Английский путешественник Стивен Бэрроу, побывавший в 1557 г. на становище Кегор (полуостров Рыбачий Баренцева моря), сообщал, что наряду с русским даньщиком «видал слуг датского короля, также собиравших здесь дань» с лопарей и карелов²⁴. Нельзя исключать, что юрисдикция этого датского даньщика распространялась только на четыре погоста – Мотовский, Печенгский, Пазрецкий, Нявдемский – северо-западной части Кольского полуострова, владевших угодьями на побережье Баренцева моря. По данным писцовой книги Алая Михалкова, в начале XVII в. в Немецком становище²⁵, где вели рыбный промысел саамы Печенгского погоста и монахи Троицкого Печенгского монастыря, стояла «ския (ския (скея) – амбар для хранения соленой рыбы. – С. Н., М. Т.) датцакого короля неметчина Петруши Бертеля»²⁶. В ские могла храниться «троцкая дань», собиравшаяся датчанами с саамов. Распространялась ли в середине XVI в. юрисдикция датского сборщика на саамские погосты других частей Кольского полуострова, из источников неясно.

В русско-датских договорах 1562 и 1578 гг. вопрос о данничестве саамов на Крайнем Севере Европы не поднимается. Так, в договоре 1562 г. указывается обязанность сторон соблюдать границы: «А которые великаго государя, Божию милостию царя и великого князя, земли порубежные сошлись... з городом Варьгавом и с ыными месты, ино рубеж ведати на обе стороны по старине». Обе стороны должны были «не вступатись» во владения соседа «и не воевати»²⁷. Это же положение повторяется и в проекте договора 1578 г. с существенным дополнением: возникшие к тому времени территориальные разногласия должны были быть улажены в ближайшем будущем: «А что учинилось меж нашими люд(ь)ми преж сего, и которые рубежи в Норвецкой земле в споре, и нам того, на обе стороны судей сослав, велети сыскати». Срок встречи для решения вопроса в договоре был установлен «на Петров день» (29 июня) 1580 г.²⁸ Датская сторона, оставшись недовольной проектом договора 1578 г., его так и не ратифицировала [Антонов, Хорошкевич, с. 100]. Запланированный договором пограничный съезд послов состоялся не в 1580 г., а только в 1586 г. Для нас представляется существенным то, что и в договоре 1578 г. ничего не сказано о сфере даннических округов двух стран.

Впервые проблема податного положения населения Кольского полуострова и Финнмарка возникает в дипломатической переписке в середине 1580-х гг. Так, в грамоте воеводы Кольского острога Г. Б. Васильчикова фогту («державцу») Варгава отвергались претензии датской стороны «имати на государевых людех в государя нашего вотчины в поморских волостях десятину и пошину»²⁹. Развернутое обоснование прав России на спорные земли встречаем в грамоте 1585 г. царя Федора Ивановича датскому королю Фредерику II. Здесь утверждалось, что «земля Лопская искони вечная наша вотчина за много лет», о чем говорят возникшие на ее территории Троицкий Печенгский монастырь, русские и саамские волости и погосты, в которых «живут наши люди руские и корелские, и лопь крещеная и некрещеная, кончанская

²⁴ Английские путешественники в Московском государстве в XVI в. / Под ред. Ю. В. Готье. М., 1937. С. 124.

²⁵ Немецкое становище не локализуется на современных географических картах Мурманской области. Исходя из описания писцовой книги можно предположить, что оно находилось недалеко от устья р. Печенги.

²⁶ Писцовая книга 1608–1611 гг. С. 434. На этот факт обратил внимание В. Л. Державин (см.: [Державин, с. 111]).

²⁷ РИБ. Т. 16. № 21. Стб. 84.

²⁸ Русско-датская перемирная грамота 1578 г. // Якоб Ульфельдт. Путешествие в Россию. М., 2002. Документальные приложения. С. 559–561.

²⁹ РИБ. Т. 16. № 55. Стб. 216.

и терская, на нашей земле, и дань давали издавна прародителям нашим, великим государем», начиная со времен Ивана III³⁰. Практика приезда датских данщиков на территорию Кольского полуострова, где они «дани у наших людей прошают», рассматривается в грамоте как незаконная и неизвестная для времен Ивана Грозного. В грамоте, как и в русско-датских договорах 1562 и 1578 гг., границей владений двух стран предложено считать Вардё: «что наши земли с твоим городом с Варгавом сошлись, ино рубеж по старине»³¹. Царь ратует за продолжение торговых контактов между двумя сторонами и последующие переговоры о демаркации границы, для чего предлагал привлечь знающих людей – старожилов. Таким образом, взимание дани на территории Кольского полуострова рассматривалось русским царем как его исключительная прерогатива, которую он не собирался уступать датской стороне.

Представления российской власти о границах даннического округа на Крайнем Севере исходили из сложившейся практики, зафиксированной в том числе в исторической памяти лопских данщиков – представителей местной администрации и сборщиков податей [Никонов, 20176]. У них брали показания посольства, прибывавшие в Колу из Москвы для определения русско-датской границы. Впервые старожиловы были привлечены посольством Ивана Ташлыкова в 1571/1572 г.³² Впоследствии показания данщиков использовали посольства Ивана Борятинского в ноябре 1586 г. и Семена Звенигородского в августе 1592 г.³³ Задачей данщиков было указать те территории, где проходит граница, что предполагало экскурс в историю русского присутствия в Финнмарке. Начало присутствия России в Северной Норвегии данщики относили к временам до правления Ивана III, когда земли «за Варгав болшы тысячи верст до волости до Ивгея... да по реке Тенуе вверх до Верхние земли» были покорены легендарным «корельским начальником» Варентом-Валитом. С тех пор «Лопская земля» платила дань карелам, а после того, как «Корельскую землю Бог поручил государю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Руси, и с тех мест и по ся места дань дают государю нашему»³⁴. Присутствие датских сборщиков на территории Кольского полуострова, как и их право взимать дань с саамов Финнмарка, русскими старожиловцами не рассматривается. Показания лопских данщиков вошли в дипломатический арсенал Москвы и звучали в царских грамотах конца XVI – начала XVII в. датским королям Фредерику II и Христиану IV³⁵. Напротив, въезд датских данщиков на территорию Кольского полуострова рассматривался русской стороной как незаконный. Так, в царской грамоте датскому королю Христиану IV, отправленной в 1622 г., утверждалось, что «данщики почали дань имати на наших лопарех русские веры, мимо всякие правды, и ныне емлют дань многую, и нашим людем чинят тесноту и налогу»³⁶. При этом ответственность возлагалась на местные датские власти – фогтов Вардё, – которым король должен был «приказати накрепко, чтоб они в наши земли, в лопские места, которыми владели изначала великие государи цари российскийские... вступатися не велели, и новые дани не всчинали»³⁷.

Позицию русской стороны по вопросу о взимании датчанами дани с лопарей Кольского полуострова отражают инструкции послам, направлявшимся в Колу для переговоров с датскими уполномоченными. Так, в инструкции посольству И. М. Борятинского с товарищами в 1586 г. отмечалось, что «по договору з дацкими послы положить в Лопской земле рубеж меж Малмиюса, то есть Колы волости, и меж Варгава река Полная, а с Норвецкою землею

³⁰ Там же. Стб. 222.

³¹ Там же. Стб. 224.

³² РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1614 г. Д. 1. Л. 225.

³³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 135–139; 1614 г. Д. 1. Л. 223–225.

³⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 137–138.

³⁵ РИБ. Т. 16. № 75. Стб. 323–326; № 90. Стб. 384–385.

³⁶ Там же. № 105. Стб. 526.

³⁷ Там же. № 113. Стб. 571.

рубеж Лопской земли стариной Ивгой»³⁸. Инструкция не предполагала установления какого-либо рубежа восточнее окрестностей Варангер-фьорда, что, по-видимому, говорит о том, что русская сторона не рассматривала вариант предоставления датчанам возможности взимать дань с Кольского полуострова. Схожим образом вопрос о границах отражен и в инструкции посольству князя С. Г. Звенигородского в 1595 г.³⁹, а отправленному в 1601 г. в Копенгаген посольству предписывалось требовать запрета на въезд датских данщиков на территорию Кольского полуострова⁴⁰.

Таким образом, к концу XVI в. у московской власти закрепилось убеждение, что территории Крайнего Севера, включающие Кольский полуостров и Финнмарк, издавна были сферой влияния России, а население этих территорий было подданными только одного государя – московского великого князя / царя. В какой степени это представление отражало действительное положение дел? На этот вопрос позволяют ответить документы государственного кадастра.

В материалах писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг., содержащей итоговые данные более раннего описания 1573–1575 гг., территориями двойного обложения данью саамских погостов определяются только Кончанская (Верхняя) и Терская лопь. Поморские волости и саамские погосты южной части полуострова (Терский и Кандалакшский берега Белого моря) не попадали под двойное обложение. Исключение составляла русская Кольская волость, на месте которой в начале 1580-х гг. был основан Кольский острог. По данным писцовой книги Василия Агалина, с угодий местных крестьян «емлют кольские таможенные целовальники дань датского короля»⁴¹. Этот факт соотносится с данными, приводимыми англичанином Дж. Флетчером в сочинении «О государстве Русском». Английский посланник, побывавший в России в конце 1580-х гг., писал, что открытие ежегодной ярмарки в Коле «на Петров день» происходило в присутствии «начальника Вардгузы (резидента короля датского) или посланного от него»⁴². Представители датской короны наряду с русским «сборщиком податей» взимали таможенные подати с русских промышленников и саамов.

Таким образом, писцовая книга 1573–1575 гг. узаконивала для большей части саамских погостов Кольского полуострова и русской Кольской волости двойную уплату дани – в русскую и датскую казну. Существовала ли эта практика раньше, неизвестно. Русско-датские договоры 1562 и 1578 гг. молчат о двоеданничестве, что дает основание предполагать, что этот порядок возник недавно, накануне составления писцового описания. Допуская присутствие датских сборщиков на территории Кольского полуострова, готово ли было Московское государство юридически закрепить свое право на сбор дани с саамов Финнмарка, включив их в государственный кадастр? На этот вопрос приходится дать отрицательный ответ. Согласно «Росписи лопарским погостам» 1623–1624 гг., единственным саамским объединением за пределами Кольского полуострова, внесенным в писцовую книгу Василия Агалина, был Инадрский погост (совр. коммуна Инари в Финляндии). Погосты Финнмарка не были описаны русским писцом.

«Роспись лопарским погостам» фиксирует практику взаимного взимания дани с саамов датскими и русскими сборщиками. Сбор податей для каждого погоста распределен по десятилетиям: до 7089 г., до 7099 г., до 7110 г., до 7120 г., с 7121 по 7132 г. Выскажем предположение, что раз в десять лет составлялась роспись о сборе податей с погостов.

³⁸ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1578 г. Д. 2. Л. 44–45.

³⁹ Там же. Л. 49.

⁴⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 2. Л. 77.

⁴¹ Писцовая книга 1608–1611 гг. С. 418.

⁴² Флетчер Дж. О государстве Русском // Проезжая по Московии (Россия XVI–XVII веков глазами дипломатов) / Отв. ред. и авт. вступ. статьи Н. М. Рогожин. М., 1991. С. 101.

Таким образом, практика двойного взимания дани была узаконена не позднее середины 1570-х гг., что фиксировалось русскими источниками. Отправка Данией на Кольский полуостров сборщиков отражена и в дипломатических документах конца XVI – начала XVII в. При этом, как следует из источников, датская сторона претендовала не только на взимание лопарской дани, но и на сбор податей с монастырей и русских волостей. Так, в 1584 г. датский король Фредерик II приказал своим людям взимать дань с лопарей, русских поселенцев и православных монастырей⁴³, не прибегая, однако, к насилию⁴⁴.

Оба государства взимали денежную и натуральную дань с саамов. Грамота Василия III лопским даньщикам 1517 г. не раскрывает размеров собираемой дани, а только указывает на то, что даньщики и сопровождавшие их слуги получали «подарки»: шкурки пушных зверей (куницы, белки, лисицы) и «корм» (сига, щуку, лосося, оленину)⁴⁵. Упоминание в грамотах русских денежных единиц (рубля и алтына) косвенно говорит о денежном, а не о натуральном обложении саамских погостов. Втягиванию саамов в товарно-денежные отношения способствовали и сами даньщики, бравшие в поездки «свои товары». Саамов принуждали «силой брать... товары»⁴⁶, что строго запрещалось великим князем. Замена натуральной дани денежной была явлением новым, видимо, неравномерно развивавшимся для разных саамских погостов. Так, в выписке из писцовой книги Василия Агалина на Норецкий саамский погост указывалось, что размер дани с угодий составлял 18 шкурок песца, «за песец по десяти денег московских»⁴⁷. Денежный эквивалент вводился и для «поминков», которые уплачивались саамами наряду с данью. Для шкур разных животных была установлена своя стоимость: за оленью шкуру – 3 алт. 2 ден., за лисицу – 13 алт.⁴⁸ Денежный эквивалент не действовал, когда ценность шкурок была очень высока. Это, в частности, относилось к бобровым шкурам.

Датские даньщики также комбинировали сбор денежной и натуральной податей. Так, с погостов северо-западной части Кольского полуострова – Мотовского, Печенгского, Пазрецкого и Нявдемского – взималась «трощенная дань»⁴⁹. Уплата податей треской раскрывает занятость саамских погостов в промысле на Мурманском берегу. С Масельгского погоста датский даньщик, помимо денег, брал и одну оленью шкуру⁵⁰. Широкого распространения взимание натуральных податей датскими даньщиками не получило.

Единицы податного обложения, использовавшиеся Россией и Данией, были различны. В русских волостях побережья Белого моря Кольского полуострова основной податной единицей был лук – доля хозяйства (двора) в фонде промысловых угодий крестьянской общины⁵¹. Возникновение лукового обложения остается неизученным, но известно, что уже в начале XVI в. крестьяне Варзуги делили свои угодья на луки [Никонов, 2012, с. 148]. Использовалось ли в это время луковое число для саамских погостов, неясно. В грамотах Василия III лопским даньщикам указывалось, что корм людям, сопровождавшим даньщика,

⁴³ На территории Кольского полуострова в этот период действовало три монастыря – Троицкий Печенгский, Петропавловский (в Кольском остроге), Кандалакшский Пречистенский (в Кандалакшской волости).

⁴⁴ Датский архив. Материалы по истории древней России, хранящиеся в Копенгагене. 1326–1690 гг. / Собр. Ю. Н. Щербачев. № 445 (400). Инструкция (Memorial) короля датского Фредерика II, 10 мая 1584 г. // ЧОИДР. М., 1893. Кн. 1. С. 123.

⁴⁵ Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле. Документ № 2. С. 130; Документ № 3. С. 133–134.

⁴⁶ Там же. Документ № 3. С. 132.

⁴⁷ СМПКП. № 5. С. 30.

⁴⁸ Писцовая книга 1608–1611 гг. С. 448–450, 453–457.

⁴⁹ О сборе дани треской сообщает ряд источников: челобитная саамов Пазрецкого погоста о притеснении их датским сборщиком дани (1595), челобитные кольского воеводы Федора Хлопова царю Борису Годунову (1601), «Роспись лопарским погостам» (см.: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 3, 20, 33; РИБ. Т. 16. № 65. Стб. 285; СМПКП. № 27. С. 59).

⁵⁰ СМПКП. № 27. С. 60.

⁵¹ О податной единице «лук» см.: [Копанев, с. 183–185].

должны были давать «с дыма»⁵², под которым можно понимать хозяйство (вежу), а не долю угодий. Писцовая книга Василия Агалина 1573–1575 гг. для всех саамских погостов Кольского полуострова вводит принцип лукового обложения, уравнивая их с русскими волостями. Проследить этапы перехода от взимания податей с «дыма» к луковому числу по имеющимся источникам невозможно. Не дают источники ответа и на вопрос о единицах налогообложения, использовавшихся русскими данщиками в Финнмарке⁵³. Нельзя исключать, что здесь также применялось луковое число, как и для кольских саамов.

Дания использовала другие подходы к взиманию податей с саамских погостов Кольского полуострова. Согласно справке, составленной в 1615 г. дьяками Нижегородского приказа «по старым писцовым книгам 82-го году писма Василья Оголина да подьячего Степана Соболева», с погостов Терской лопи датские сборщики взимали «со штидесят с пяти веж сто тритцать белок, с вежи по две белки, а белька в цене по три денги»⁵⁴. Наряду с вежей датчане использовали и другие податные единицы. Так, в «Росписи лопарским погостам» указывается, что до 1590/1591 г. с ряда саамских погостов Кончанской лопи дань взималась «с тех же угодей»⁵⁵, что и в русскую казну. Не исключено, что датчане использовали установленную русскими властями податную систему – луки. С четырех погостов того же объединения – Печенгского, Масельгского, Экостровского, Бабинского – до 1590/1591 г. датская дань взималась с человека⁵⁶. После 1590/1591 г. датская сторона вводит единообразный порядок взимания дани с «человека». «Человек» в датской податной системе не равнозначен «людям» русских писцовых книг. «Люди» – это женатые мужчины, владельцы дворов, несшие ответственность перед властью за уплату податей [Аграрная история, с. 17–20]. Приводимые в писцовой книге Кольского уезда 1608–1611 гг. индивидуальные (с человека) и общие (с погоста) налоговые ставки указывают на то, что датская дань распространялась на все население погоста, независимо от пола и возраста. Отступлением от установленных принципов налогообложения является взимание датскими данщиками податей с крестьян Кольской волости, уплачивавших ее, как и в русскую казну, с лука, а не со двора или человека.

Документы кадастра позволяют сопоставить размеры дани, собираемой с саамских погостов Кольского полуострова русскими и датскими данщиками в конце XVI – начале XVII в.

Таблица 1

Выплаты русской и датской дани саамскими погостами Кольского полуострова (по материалам «Росписи лопарским погостам» 1623–1624 гг.)⁵⁷

Погосты	Русская дань				Датская дань	
	до конца XVI в.		в 1623/1624 г.		до конца XVI в.	в 1623/1624 г.
	дань	поминонок	дань	поминонок		
Верхняя (Кончанская) лопь						

⁵² Возгрин В. Е., Шаскольский И. П., Шрадер Т. А. Грамоты великого князя Василия III сборщикам дани в лопской земле. Документ № 3. С. 133.

⁵³ Так, Л. И. Хансен указывает, что русская сторона взимала дань как с лука, так и с взрослого мужчины [Hansen, p. 42–46].

⁵⁴ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 460.

⁵⁵ СМПКП. № 27. С. 55–59.

⁵⁶ Там же. С. 57, 60–61.

⁵⁷ Составлено по: СМПКП. № 27. С. 57–64.

Мотовский	5 руб. 14 алт. 4 ден.	–	4 руб. 11 алт. 4 ден.	–	1 руб. 14 алт. 4 ден.	1 руб. 26 алт. 4 ден.
Нотозерский	5 руб. 22 алт. 2 ден.	–	5 руб. 22 алт. 2 ден.	–	2 руб. 29 алт. 2 ден.	4 руб. 6 алт. 4 ден.
Печенгский	3 руб. 30 алт.	–	3 руб. 30 алт.	–	20 алт.	12 руб.
Сонгельский	3 руб. 30 алт.	26 алт. 2 ден.	3 руб. 30 алт.	26 алт. 2 ден.	2 руб. 3 алт. 4 ден.	4 руб. 6 алт. 4 ден.
Пазрецкий	1 руб. 23 алт.	1 руб. 19 алт. 2 ден.	1 руб. 23 алт.	1 руб. 19 алт. 2 ден.	3 руб. 3 алт.	6 руб.
Нявдемский	1 руб. 18 алт. 4 ден.	–	1 руб. 18 алт. 4 ден.	–	13 алт. 2 ден.	4 руб. 16 алт. 4 ден.
Масельгский	1 руб. 23 алт. 2 ден.	–	1 руб. 23 алт. 2 ден.	–	3 алт. 2 ден.	3 руб.
Экостровский	1 руб. 4 алт. 1 ден.	–	1 руб. 4 алт. 1 ден.	–	3 алт. 2 ден.	3 руб.
Бабинский	1 руб. 4 алт. 1 ден.	–	1 руб. 4 алт. 1 ден.	–	3 алт. 2 ден.	3 руб.
Муномашский	9 руб. 4,5 ден.	–	9 руб. 4,5 ден.	–	2 руб. 11 алт. 3 ден.	5 руб. 3 алт. 2 ден.
Терская лопь						
Вороненский	11 руб. 6 алт. 4 ден.	–	11 руб. 6 алт. 4 ден.	–	4 алт.	6 руб.
Ловозерский	7 руб. 14 алт.	–	7 руб. 14 алт.	–	6 алт. 4 ден.	8 руб. 13 алт. 2 ден.
Семиостровский	13 руб. 26 алт. 4 ден.	–	13 руб. 26 алт. 4 ден.	–	14 руб. 3 алт. 4 ден.	14 руб. 3 алт. 4 ден.
Йоканьгский и Понойский	18 руб. 24 алт. 1 ден.	–	18 руб. 24 алт. 1 ден.	–	26 алт.	18 руб. 10 алт.
Итого:	86 руб. 9 алт. 1,5 ден.	2 руб. 12 алт. 2 ден.	85 руб. 6 алт. 1,5 ден.	2 руб. 12 алт. 2 ден.	28 руб. 12 алт. 3 ден.	93 руб. 20 алт. 2 ден.
Всего:	88 руб. 21 алт. 3,5 ден.		87 руб. 18 алт. 3,5 ден.		28 руб. 12 алт. 3 ден.	93 руб. 20 алт. 2 ден.

Приведенные в таблице результаты не во всем соответствуют данным писцовой книги Кольского уезда 1608–1611 гг., где сумма русской дани в начале XVII в., по нашим подсчетам, составляла 95 руб. 29 алт. 0,5 ден., что на 8 руб. больше, чем указано в «Росписи лопарским погостам», а датская дань – 76 руб. 11 алт. 3 ден., что почти на 17 руб. меньше суммы сбора, зафиксированной в том же источнике. Различия, считаем, не очень существенны и, что важно, не отменяют выявленной тенденции: если размеры собираемой с саамов русской дани на протяжении нескольких десятилетий оставались стабильными, то датские сборщики повысили ставки податного обложения. В некоторых случаях размер подати вырос в десять раз, превысив сумму сбора русской дани. Резкое увеличение «королевской дани» позволило сравнить налоговые поступления с кольских саамов с размером «лопской» дани в русскую казну. Усиление податного пресса Данией на рубеже XVI–XVII вв. может рассматриваться как одно из средств борьбы за господство на Крайнем Севере Европы, наряду с дипломатией и военным давлением.

Процесс разграничения даннических округов России и Дании может быть выявлен на основе челобитных кольского воеводы Федора Хлопова царю Борису Годунову. В челобитных воевода сообщал о приезде в Колу датского даньщика Матфея Баговина, собиравшегося отправиться в Терскую лопь «с крещеных лопарей королевские дани збирать»⁵⁸. Воевода ответил отказом, мотивируя свое решение тем, что датская сторона препятствовала работе русских даньщиков в Финнмарке. Так, в 1597/1598 г. фогт Вардё Иван Олферьев⁵⁹ отнял собранную русским даньщиком Василием Михайловым в Варенгском погосте⁶⁰ дань в размере 110 ефимков за 1595/1596 г.⁶¹ В 1599/1600 г. саамы погоста Лемье-губа⁶² отказались платить русским даньщикам 115 ефимков. Тогда же датские власти запретили им «в Ывгей и за Ивгей въезжати»⁶³. Напротив, после 1595/1596 г. датский даньщик Иван Гайгрус собрал «королевскую дань троскою» с саамов Мотовского, Печенгского, Пазрецкого и Нявдемского погостов⁶⁴.

О возникшей ситуации воевода сообщал в центральные ведомства: в приказ Новгородской четверти – окольниковому М. М. Салтыкову и дьякам Ивану Вахромееву и Богдану Иванову⁶⁵, в Посольский приказ – думному дьяку В. Я. Щелкалову⁶⁶. Из Москвы в Колу была отправлена грамота «на образец», на основе которой нужно было составить послание в Вардё с разъяснением позиции русской стороны. Воевода несколько раз отправлял грамоты «варгавскому державцу»: в декабре 1600 г. – с датским даньщиком Матфеем Баговиним, 28 марта 1601 г. – с служкой Троицкого Печенгского монастыря Овдокимом и кольским целовальником Фадейкой Самароковым, 8 июня 1601 г. – со стрелецким пятидесятником Пронкой Павловым⁶⁷. Каждый раз в Колу доставлялись ответные грамоты, которые, по словам воеводы, «прочести и перевести было некому». На словах русские посланники передавали воеводе сходный ответ. Так, собранная в 1597/1598 г. даньщиком Василием Михайловым дань продолжала находиться в Вардё («и та-де и дань готова»). Неудачная попытка русских собрать

⁵⁸ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 2, 20.

⁵⁹ Датское имя нам неизвестно, здесь приводится именование, данное русской стороной и сохранившееся в челобитных.

⁶⁰ Варенга, Варенгский погост – саамское объединение, проживавшее в районе западной оконечности Варангер-фьорда (Северная Норвегия).

⁶¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 20.

⁶² Лемья губа – саамское объединение, проживавшее в районе Порсангер-фьорда (Северная Норвегия).

⁶³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 20.

⁶⁴ Там же. Л. 28.

⁶⁵ М. М. Салтыков возглавлял приказ в 1599–1604 гг., дьяки Иванов и Вахромеев служили здесь в 1599–1601 гг. (см.: [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 234; Рыбалко, с. 88–89]).

⁶⁶ В. Я. Щелкалов занимал должность руководителя приказа в 1594–1601 гг. (см.: [Лисейцев, Рогожин, Эскин, с. 134]).

⁶⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 20, 25–27.

в 1599/1600 г. дань с саамов, проживавших «в Ывгейских погостах и за Ивгеем», была связана с действиями «тромшенского державца Клавуша Горна», запретившего саамам выплачивать русскую дань. Повлиять на действия фогта Тромсё «варгавский державец» не мог, потому что «тому-де и я, тромшенскому державцу, не указшик, то-де и ведает он, и то-де и присуд не мой»⁶⁸. Возвращать изъятую дань фогт не собирался, отвечая, что «и меня королевския дани збирати... с крещеных (Терской лопи. – С. Н., М. Т.) лопарей не пропустили»⁶⁹. Но фогт давал обещание «отписать» датскому королю о сложившейся ситуации.

Таким образом, с конца 1590-х гг. вводится запрет на въезд даньщиков двух стран в земли Финнмарка и Кольского уезда, которые находились в непосредственном подчинении Дании и России. Установленный нами хронологический рубеж не совсем соответствует тем данным, которые приводят русские источники 1620-х гг., называя датой введения запрета русским даньщикам на въезд в земли Финнмарка 1601/1602 г. Такую дату приводит «Роспись лопарским погостам», расспросы посадских людей Колы об уплате лопарями дани (в мае 1620 г.)⁷⁰. В действительности, разграничение сфер влияния началось на несколько лет раньше. Запрет мог исходить от обеих сторон. Так, еще в 1585 г. кольский воевода Г. Б. Васильчиков в грамоте варгавскому фогту отвергал претензии датской стороны на сбор дани с населения Кольского полуострова: «...и та поморская земля исстари вотчина государя нашего царя и великого князя, а не дацких королей»⁷¹.

Челобитные воеводы Федора Хлопова проясняют еще один вопрос, который не находит объяснения в документах кадастра. Сбор русской и датской дани с лопарских погостов Кольского уезда продолжал производиться и после того, как датским даньщикам было запрещено въезжать в саамские погосты Кольского полуострова. В 1601 г. воевода сообщал следующее: «А собрано, государь, у меня, холопа твоего, дацкого короля дани с твоих государевых с крещеных лопарей прошлых сто четвертого и сто осмаго году... сто восемь рублей дватцать один алтын две денги, и с поминки, и та, государь, дань... в твоей государеве казне в Коле у меня, холопа твоего, к розмене стоит⁷² готова»⁷³. Собираемая с саамов датская дань, таким образом, предполагалась к обмену на те податные сборы, которые должны были платить в казну русского царя лопарские погосты Финнмарка. Практика двойного сбора дани с саамских погостов Кольского уезда сохранялась на протяжении всего XVII в. Об этом свидетельствуют отписи кольских целовальников о сборе дани с саамов Нотозерского и Сонгельского погостов, отложившиеся в фонде 667 Нотозерской земской избы РГАДА.

Удержание в Кольском остроге «королевской дани» было временным эпизодом. В последующие годы «королевская дань» поступала в приказ Новгородской четверти вместе с другими платежами, собиравшимися в Кольском уезде. Согласно выпискам «ис четвертных приходных книг» приказа, а также опубликованным С. Б. Веселовским книгам четверти, в 1604/1605–1606/1607 и 1612/1613–1619/1620 гг. «королевская дань» составила следующие суммы.

⁶⁸ Там же. Л. 21.

⁶⁹ Там же.

⁷⁰ СМПКП. № 27. С. 57–64; РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 28; 1621 г. Д. 1. Л. 8.

⁷¹ РИБ. Т. 16. № 54. Стб. 216.

⁷² В рукописи «стооит».

⁷³ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1601 г. Д. 1. Л. 28.

Таблица 2

**Размер «королевской дани» с саамских погостов
Кольского уезда в 1604/1605–1617/1618 гг.⁷⁴**

Год	Собрано с погостов				Всего	
	Кончанская лопь		Терская лопь		руб.	ефимки
	руб.	ефимки	руб.	ефимки		
1604/1605	–	–	67 руб. 21 алт. 2 ден.	7	67 руб. 21 алт. 2 ден.	7
1605/1606	37 руб. 3 алт. 2 ден.	–	46 руб. 11 алт.	–	83 руб. 14 алт. 2 ден.	–
1606/1607 ⁷⁵	63 руб. 19 алт. 4 ден.	–	–	–	63 руб. 19 алт. 4 ден.	–
1612/1613	33 руб. 17 алт. 3 ден.	10	75 руб. 8 алт. 2 ден.	9	108 руб. 25 алт. 5 ден.	19
1613/1614	28 руб. 9 алт. 2 ден.	4	79 руб. 3 алт. 3 ден.	–	107 руб. 12 алт. 5 ден.	4
1614/1615 ⁷⁶	–	4	76 руб. 6 алт. 4 ден.	–	76 руб. 6 алт. 4 ден.	4
1615/1616	29 руб. 22 алт. 1 ден.	13	75 руб. 28 алт. 2 ден.	–	105 руб. 17 алт. 1 ден.	13
1616/1617 ⁷⁷	–	–	78 руб. 10 алт. 2 ден.	–	78 руб. 10 алт. 2 ден.	–
1617/1618 ⁷⁸	29 руб. 22 алт. 1 ден.	8	–	–	29 руб. 22 алт. 1 ден.	8
1618/1619 ⁷⁹	–	–	–	–	78 руб. 18 алт. 2 ден.	–
1619/1620	31 руб. 3 алт. 2 ден.	–	47 руб. 24 алт. 4 ден.	–	78 руб. 28 алт.	–

Для тех лет, для которых сохранились полные данные о собранной «королевской дани» (1605/1606, 1612/1613, 1613/1614, 1615/1616, 1619/1620 гг.), можно выявить

⁷⁴ Составлено по: РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1621 г. Д. 1. Л. 11–17; Приходо-расходные книги Московских приказов 1619–1621 гг. / Сост. С. Б. Веселовский. М., 1983. С. 135, 319–320.

⁷⁵ Сборов дани с Терской лопи в приходной книге «не написано».

⁷⁶ Рукопись повреждена, сумма в рублях, собранная с Кончанской лопи, не читается.

⁷⁷ С Кончанской лопи дань не взята.

⁷⁸ Окончание рукописи утрачено, текст о дани, взятой с Терской лопи, не читается.

⁷⁹ В документе объединены данные о сборе дани с Верхней (Кончанской) и Терской лопи.

ее превышение в сравнении с суммой, установленной «Росписью лопарским погостам». Основная тяжесть поборов ложилась на саамов Терской лопи, уплачивавших в 1612/1613, 1613/1614, 1615/1616 гг. более 70 % от общей суммы «королевской дани».

Таким образом, с конца 1590-х гг. происходит разграничение сфер влияния России и Дании на Крайнем Севере Европы: порядок взаимного пропуска данщиков на территории Финмарка и Кольского полуострова уходит в прошлое. Исключение составляет небольшая территория на северо-западе полуострова, где проживали саамы Нявдемского, Пазрецкого и Печенгского погостов. По расспросу посадских людей Колы, проведенному в 1620 г. воеводой Пимином Юшковым, с этих погостов «датцкого короля данщики королевскую дань емлют и по ся мест, а государевы данщики с тех лопарей на государя дань и королевскую дань емлют же»⁸⁰. Фактически саамские погосты северо-западной части Кольского уезда выплачивали дань в тройном объеме: одну Дании и две (в царскую казну и «королевскую») России, что фиксируется и «Росписью лопарским погостам»⁸¹.

Попытки въезда датских данщиков в Терскую лопь продолжались и после того, как фактически было установлено податное и территориальное разграничение на Крайнем Севере Европы. Подобные факты зафиксированы в документах воевод Кольского уезда 1610-х – начала 1620-х гг. В декабре 1611 г. датскому данщику Петру Хрестинову удалось въехать в Терскую лопь и собрать дань. Об этом фогту Вардё Клаусу Гагге сообщил кольский воевода В. Т. Жемчужников. Так, датский данщик, ссылаясь на «королевский наказ», убедил предыдущего воеводу Кольского острога Михаила Векентьева пропустить его для сбора дани с терских лопарей в обмен на предложение русским сборщикам «ехати в Кончанскую лопь государя нашего дани збирати по прежним обычаем»⁸². Для этого в Финмарк из Колы был отправлен данщик Микифор Колмаков «с товарищи». Собрать дань им так и не удалось: «варгавской державец» задержал русских на десять дней, а затем «отпустил назад в Колской острог, а в Кончанскую лопь дани государя нашего збирати... не пропустил»⁸³. По данным «Росписи лопарским погостам», в 1611 г. датским данщиком была собрана дань с семи погостов Кончанской лопи⁸⁴ и с пяти погостов Терской лопи⁸⁵.

Введенный после 1611 г. запрет на сбор дани с кольских саамов не препятствовал новым попыткам датских данщиков собрать «королевскую дань». Так, известно, что в 1612, 1614, 1615, 1620, 1621 гг. датские данщики вновь приезжали за данью⁸⁶. Приезд был обставлен по определенному ритуалу: данщик в съезжей избе Кольского острога передавал воеводе грамоту или заявлял устно через переводчика о своем намерении, «чтоб ему (данщику. – С. Н., М. Т.) ехати в твою государеву в Терскую лопь на короля дань збирати»⁸⁷. На это следовал ответ воеводы: «у варгавского державца королевский указ о том есть ли, что государевым данщиком в Кончанскую волость (в Финмарк. – С. Н., М. Т.) ездить и збирать дань на государя по-прежнему»⁸⁸. Отрицательный ответ на поставленный вопрос означал отказ пропускать датского сборщика в саамские погосты. Обращает на себя внимание, что данщик приезжал не один, а в сопровождении нескольких людей, а также иногда «толмача» и проводника. Последним мог быть «варенский лопин». Из челобитной воеводы Дмитрия Зубова, поданной

⁸⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1621 г. Д. 1. Л. 8.

⁸¹ СМПКП. № 27. С. 59.

⁸² РИБ. Т. 16. № 98. Стб. 423–424.

⁸³ Там же. Стб. 424.

⁸⁴ Погосты Сонгельский, Пазрецкий, Нявдемский, Масельский, Экостровский, Бабинский, Муномашский (см.: СМПКП. № 27. С. 57–62).

⁸⁵ Погосты Вороненский, Ловозерский, Семиостровский, Йоканьгский и Понойский (см.: СМПКП. № 27. С. 62–64).

⁸⁶ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 452; 1621 г. Д. 1. Л. 1–2.

⁸⁷ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1621 г. Д. 1. Л. 1.

⁸⁸ Там же. Л. 2.

на царское имя в 1633 г., следует, что сопровождавшие данщика лица выступали как помощники, доставлявшие «товар», который реализовывался в Коле и саамских погостах⁸⁹. Несмотря на запреты сбора дани с «русских лопарей», датским данщикам иногда удавалось их нарушать. Так, в челобитной воеводы Гурия Волинцева сообщалось, что в начале 1616 г. датский «немчин» Петр Бертель Индриков самовольно въехал на земли саамов Сонгельского погоста, где «лопарей мучил, и в железа сажал, и на морозе скованных держал, и вымучил, государь, з дву погостов Соньялских да с Мотоцких королевскую дань»⁹⁰.

После завершения «дипломатической процедуры» датского данщика в сопровождении стрельцов отправляли к границе «до твоего государева Соньяского (Сонгельского. – С. Н., М. Т.) погоста». Стрельцы должны были пресекать возможные незаконные действия датчан, «чтоб твоим государевым лопарем какия шкоты не было»⁹¹. Учитывая плохую сохранность документов Кольской воеводской канцелярии, не будет преувеличением сказать, что подобные поездки носили ежегодный характер.

Отказывая датским данщикам в сборе податей с кольских саамов Кончанской и Терской лопи, русская сторона вынуждена была делать исключение для погостов северо-западной части Кольского полуострова – Нявдемского, Пазрецкого, Печенгского и Мотовского. По учиненному в ноябре 1623 г. «роспросу» о злоупотреблениях воеводы Гурия Волинцева и таможенной администрации Кольского острога, крестьяне Кандалакшской волости сообщали, что в 1622 г. «с Варгава приежжал датцкого короля сотник неметцкой с стрелцы» собирать дань и десятину с лопарей Нявдемского и Пазрецкого погостов⁹². Этим действиям попытался воспрепятствовать таможенный целовальник Субота Васильев.

Таким образом, русская данническая система с начала XVI в. охватывала значительную территорию Крайнего Севера Европы, включая не только весь Кольский полуостров, но и Финнмарк. Присутствие в Финнмарке великокняжеских данщиков опиралось на развитие промысловой активности в Северной Норвегии русских и карел, занимавшихся здесь добычей рыбы и жемчуга. Положение меняется со второй половины XVI в., когда датские власти начинают вводить запреты на въезд русских данщиков. С этим Россия вынуждена была считаться, отказавшись включать земли Северной Норвегии в государственный кадастр в 1573–1575 гг. Исключение составил саамский Инадрский погост (северо-восточная часть современной Финляндии), включенный в писцовую книгу и продолжавший платить дань в русскую казну «в иные годы» после завершения работы Василия Агалина.

Включение Кольского полуострова в податную систему Дании может рассматриваться как более позднее явление, в сравнении с аналогичным освоением Россией Финнмарка. Об этом говорит как отсутствие упоминания датских сборщиков дани в землях кольских саамов в русских источниках, так и использование до 1591/1592 г. разных систем сбора податей – русской (с угодий) и датской (с вежи или человека). Только в конце XVI в. эта система была унифицирована: введена поголовная дань. До второй половины XVI в. «королевская дань» распространялась лишь на несколько погостов северо-западной части Кольского полуострова, занимавшихся промысловой деятельностью в Баренцевом море. Торговое и впоследствии военное присутствие Дании в Баренцевом море закрепляло право на сбор дани с этой группы саамов.

⁸⁹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1633 г. Д. 2. Л. 2–3.

⁹⁰ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1613 г. Д. 3. Л. 480–480 об.

⁹¹ РГАДА. Ф. 53. Оп. 1. 1621 г. Д. 1. Л. 1.

⁹² РГАДА. Ф. 159 (Приказные дела новой разборки – коллекция) из фондов Боярской думы, Посольского приказа, Владимирской, Галицкой, Новгородской и Устюжской четвертей, Малороссийского, Смоленского, Счетного и Полоняничного приказов, Приказа тайных дел, Приказа сбора ратных людей и Коллегии иностранных дел). Оп. 1. Д. 1281. Л. 70.

Обострение русско-датского конфликта на Крайнем Севере Европы на рубеже XVI–XVII вв. находит отражение и в податной политике двух государств, каждое из которых увеличивает размер собираемой дани. Этот инструмент влияния часто использовала датская сторона, увеличившая размер дани с погостов Кончанской и Терской лопи в десять и более раз.

Процесс разграничения даннических округов на территории Финнмарка и Кольского полуострова прошел ряд этапов. С конца 1590-х гг. датская сторона запрещает сбор дани и въезд на саамские земли, находившиеся в подчинении фогтов Вардё и Тромсё. С 1600 г. к такому же запрету прибегают и воеводы Кольского острога, что находит поддержку со стороны центральных учреждений Русского государства – приказов Новгородской четверти и Посольского.

Литература

- Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. 402 с.
- Антонов В. А., Хорошкевич А. Л. Якоб Ульфелдт и его записки о России // Якоб Ульфелдт. Путешествие в Россию. М., 2002. С. 78–142.
- Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. XVII – 60-е гг. XIX вв. Барнаул, 2002. 217, [2] с.
- Державин В. Л. Северный Мурман в XVI–XVII вв. (к истории русско-европейских связей на Кольском полуострове). М., 2006. 143 с.
- Зуев А. С. Механизмы адаптации сибирских народов к российской власти во время присоединения Сибири к России (конец XVI – начало XVIII века) // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. История, филология. 2014. Т. 13. Вып. 8. История. С. 57–71.
- Копанев А. И. Неземледельческая волость в XVI–XVII вв. // Крестьянство и классовая борьба в феодальной России. Сборник статей памяти И. И. Смирнова. Л., 1967. С. 176–195.
- Кучинский М. Г. Саами Кольского уезда в XVI–XVII веках. Модель социальной структуры. Кауатекейно, 2008. 261, [22] с.
- Кучинский М. Г. Социальная роль облагаемых угодий для саами Кольского уезда в XVI–XVII вв. // Труды Кольского научного центра РАН. Апатиты, 2010. № 2 (2). С. 140–152.
- Линд Дж. Х. «Разграничительная грамота» и новгородско-норвежские договоры 1251 и 1326 гг. // НИС. СПб., 1997. Вып. 6 (16). С. 135–143.
- Линд Дж. Х. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times) // Норна у источника Судьбы. Сборник статей в честь Е. А. Мельниковой. М., 2001. С. 242–253.
- Лисейцев Д. В., Рогожин Н. М., Эскин Ю. М. Приказы Московского государства XVI–XVII вв. Словарь-справочник. М.; СПб., 2015. 301, [1] с.
- Никонов С. А. Варзужский лук в XVI в. // VIII Ушаковские чтения. Сборник научных статей. Мурманск, 2012. С. 142–156.
- Никонов С. А. Воевода Василий Туренин и укрепление обороноспособности Кольского острога в начале 1620-х годов // Известия Саратовского университета. Новая серия. Сер. История. Международные отношения. 2017. Т. 17. № 2. С. 153–157. [Никонов, 2017а]
- Никонов С. А. Лопские даньщики: управление Крайним Севером Европейской России в XVI в. // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2017. № 3 (69). С. 92. [Никонов, 2017б]
- Нильсен Й. П., Ниemi Э., Кристенсен У. Общие норвежско-русские округа до 1814 года // Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах. М., 2017. С. 24–42.
- Рыбалко Н. В. Российская приказная бюрократия в Смутное время начала XVII в. М., 2011. 655 с.
- Толкачев М. В. Русско-датские дипломатические отношения и лапландский вопрос в 1584–1605 годах. Самара, 2018. 255 с.
- Трепавлов В. В. «Белый царь»: образ монарха и представления о подданстве у народов России XV–XVIII вв. М., 2007. 253, [2] с.
- Ушаков И. Ф. Кольская земля. Очерки истории Мурманской области в дооктябрьский период. Мурманск, 1972. 672 с.

- Федоров П. В. О появлении русского рубежа в Лапландии (по следам одной дискуссии) // Арктика и Север. 2017. № 26. С. 53–75.
- Шаскольский И. П. Договоры Новгорода с Норвегией // Исторические записки. М., 1945. Т. 14. С. 38–61.
- Chernyakova I. A. Colonization of the Russian Nord-West // Encyclopedia of The Barents Region. Oslo, 2016. Vol. 1. P. 121.
- Hansen L. I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders. M., 2005. P. 40–61.
- Pape C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier // Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders. M., 2005. P. 29–39.

References

- Agrarnaya istoriya Severo-Zapada Rossii. Vtoraya polovina XV – nachalo XVI v. [Agrarian History of the North-West of Russia. The Second Half of 15th – the Beginning of 16th Century]. Leningrad, 1971. 402 p.
- Antonov, V. A., Khoroshkevich, A. L. Yakob Ul'fel'dt i ego zapiski o Rossii [Jacob Ulfeldt and His Notes on Russia]. In *Yakob Ul'fel'dt. Puteshestvie v Rossiyu*. Moscow, 2002. Pp. 78–142.
- Boronin, O. V. Dvoedannichestvo v Sibiri. XVII – 60-e gg. XIX vv. [Double Tributary in Siberia. 17th – 60s of 19th Century]. Barnaul, 2002. 217, [2] p.
- Chernyakova, I. A. Colonization of the Russian Nord-West. In *Encyclopedia of The Barents Region*. Oslo, 2016. Vol. 1. Pp. 121.
- Derzhavin, V. L. Severnyi Murman v XVI–XVII vv. (k istorii russko-evropeiskikh svyazei na Kol'skom poluostrove) [Northern Murman in the 16th – 17th Centuries (on the History of Russian-European Relations on the Kola Peninsula)]. Moscow, 2006. 143 p.
- Fedorov, P. V. O poyavlenii russkogo rubezha v Laplandii (po sledam odnoi diskussii) [On the Appearance of the Russian Frontier in Lapland (Following a Discussion)]. In *Arktika i Sever*. 2017. No. 26. Pp. 53–75.
- Hansen, L. I. The Overlapping Taxation Areas of the North and the Nature of the Russian-Norwegian Border in Medieval and Early Modern Times. In *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. Pp. 40–61.
- Kopanev, A. I. Nezemledel'cheskaya volost' v XVI–XVII vv. [A Non-agricultural Volost in the 16th – 17th Centuries]. In *Krest'yanstvo i klassovaya bor'ba v feodal'noi Rossii. Sbornik statei pamyati I. I. Smirnova*. Leningrad, 1967. Pp. 176–195.
- Kuchinskii, M. G. Saami Kol'skogo uezda v XVI–XVII vekakh. Model' sotsial'noi struktury [The Sami of the Kola District in the 16th – 17th Centuries. Model of Social Structure]. Kautekeino, 2008. 261, [22] p.
- Kuchinskii, M. G. Sotsial'naya rol' obлагаemykh ugodii dlya saami Kol'skogo uezda v XVI–XVII vv. [Social Role of Taxable Lands for Sami of the Kola District in the 16th – 17th Centuries]. In *Trudy Kol'skogo nauchnogo tsentra RAN*. Apatity, 2010. No. 2 (2). Pp. 140–152.
- Lind, Dzh. Kh. "Razgranichitel'naya gramota" i novgorodsko-norvezhskie dogovory 1251 i 1326 gg. [The Charter of Demarcation and the Novgorod-Norwegian Treaties of 1251 and 1326]. In *Novgorodskii istoricheskii sbornik*. Saint Petersburg, 1997. Issue 6 (16). Pp. 135–143.
- Lind, Dzh. Kh. The Tsar's Patrimony and the Duplication of Vardø–Vargav (Borders at the Arctic Ocean and Levels of Information in the Late Middle Ages and Early Modern Times). In *Norma u istochnika Sud'by. Sbornik statei v chest' E. A. Mel'nikovoi*. Moscow, 2001. Pp. 242–253.
- Liseitsev, D. V., Rogozhin, N. M., Eskin, Yu. M. Prikazy Moskovskogo gosudarstva XVI–XVII vv. Slovar'-spravochnik [Chancellories of the Moscow State in the 16th – 17th Centuries]. Moscow; Saint Petersburg, 2015. 301, [1] p.
- Nikonov, S. A. Varzuzhskii luk v XVI v. [Varzugsky Luk in the 16th Century]. In *VIII Ushakovskie chteniya. Sbornik nauchnykh statei*. Murmansk, 2012. Pp. 142–156.
- Nikonov, S. A. Voevoda Vasilii Turenin i ukreplenie oboronospособnosti Kol'skogo ostroga v nachale 1620-kh godov [Voivode Vasily Turenin and Strengthening the Defense of the Kola Fort in the Early 1620s]. In *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya*. 2017. Vol. 17. No. 2. Pp. 153–157. [Nikonov, 2017a]

- Nikonov, S. A. Lopskie dan'shchiki: upravlenie Krainim Severom Evropeiskoi Rossii v XVI v. [Lope Tributaries: the Management of the Far North of European Russia in the 16th Century]. In *Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki*. 2017. No. 3 (69). Pp. 92. [Nikonov, 2017b]
- Nil'sen, I. P., Niemi, E., Kristensen, U. Obshchie norvezhsko-russkie okruga do 1814 goda [General Norwegian-Russian Counties before 1814]. In *Sblizhenie: Rossiya i Norvegiya v 1814–1917 godakh*. Moscow, 2017. Pp. 24–42.
- Pape, C. Three Forgotten Border Treaties: Implications for Our Understanding of the Medieval Russian-Norwegian Frontier. In *Russia and Norway: Physical and Symbolic Borders*. Moscow, 2005. P. 29–39.
- Rybalko, N. V. Rossiiskaya prikaznaya byurokratiya v Smutnoe vremya nachala XVII v. [Russian Chancellory Bureaucracy in the Times of Troubles of the Early 17th Century]. Moscow, 2011. 655 p.
- Shaskol'skii, I. P. Dogovory Novgoroda s Norvegiei [Novgorod Treaties with Norway]. In *Istoricheskie zapiski*. Moscow, 1945. Vol. 14. Pp. 38–61.
- Tolkachev, M. V. Russko-datskie diplomatische otnosheniya i laplandskii vopros v 1584–1605 godakh [Russian-Danish Diplomatic Relations and the Lapland Question in 1584–1605]. Samara, 2018. 255 p.
- Trepavlov, V. V. "Belyi tsar": obraz monarkha i predstavleniya o poddanstve u narodov Rossii XV–XVIII vv. ["White Tsar": The Image of the Monarch and the Idea of Citizenship among the Peoples of Russia in the 15th – 18th Centuries]. Moscow, 2007. 253, [2] p.
- Ushakov, I. F. Kol'skaya zemlya. Ocherki istorii Murmanskoi oblasti v dooktyabr'skii period [The Kola Earth. Essays on the History of the Murmansk Region in the pre-October Period]. Murmansk, 1972. 672 p.
- Zuev, A. S. Mekhanizmy adaptatsii sibirskikh narodov k rossiiskoi vlasti vo vremya prisoedineniya Sibiri k Rossii (konets XVI – nachalo XVIII veka) [Mechanisms of Adaptation of the Siberian Peoples to the Russian Government during the Annexation of Siberia to Russia (Late 16th – Early 18th Century)]. In *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. Istoriya, filologiya*. 2014. Vol. 13. Issue 8. Istoriya. Pp. 57–71.

Sergey A. Nikonov

Murmansk Arctic State University, Murmansk, Russia

Mikhail V. Tolkachev

Samara Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Samara, Russia

SUBJECTS OF TWO SOVEREIGNS: SAMI POGOSTS OF THE KOLA PENINSULA
IN THE RUSSIAN-DANISH BORDER CONFLICT
OF THE SECOND HALF OF THE 16th – THE FIRST QUARTER OF THE 17th CENTURY

The article deals with the problem of double tributary of the Sami of the Kola Peninsula, who were in the dual jurisdiction of Denmark and the Russian State in the 16th – early 17th centuries. Emergence of double tributary is associated with uncertainty of borders in the Far North of Europe: each country considered Finnmark and the Kola Peninsula as a sphere of influence. The authors of the article come to the conclusion double taxation for the Sami of the Kola Peninsula was formed in the second half of the 16th century as a consequence of conflict escalation between the two states. Denmark and Russia used the tax system as a means in the struggle for disputed territories. In the 1590s Denmark forced out the Russian tributaries from the territory of Finnmark. At the beginning of the 17th century, similar measures were taken by the Russian State, prohibiting Danish tributaries from entering the territory of the Kola District. Nevertheless, double taxation for the Sami of the Kola Peninsula by Danish and Russian tribute remained after introduction of a ban on entry into the disputed lands. This measure was a compromise, preventing the development of a possible military conflict with the Kingdom of Denmark.

Keywords: tribute, Finnmark, the Kola Peninsula, the Sami, double tributary